

13. *Новик И.Б., Абдуллаев А.Ш.* Введение в информационный мир. – М.: Наука, 1991.
14. *Павилёнис Р.И.* Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. – М.: Мысль, 1983.
15. *Почепцов Г.Г.* Информационно-психологическая война. – М., 2000.
16. *Серио П.* Анализ дискурса во Французской школе (Дискурс и интердискурс) // Семиотика: Антология. – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. С. 549 – 562.
17. *Соколов А.В.* Информация: Феномен? Функция? Фикция? // Философские науки. 1990. № 9. С. 13 – 22.
18. *Степанов Ю.С.* В мире семиотики // Семиотика: Антология. Изд. 2-е. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. С. 5 – 42.
19. *Habermas J.* Erläuterungen zum Begriff des kommunikativen Handelns // Vorstudien und Ergänzungen zur Theorie des kommunikativen Handelns. – 3. Aufl. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp Verl., 1989. S. 571 – 606.

А.Б. Михалёв

Пятигорский государственный лингвистический университет

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРОТОТИПЫ

Все, что мы знаем об этом мире, отражено, как в картине, в языковых значениях – лексических и грамматических. Грамматические значения воплощают наиболее абстрактные качественные, количественные, временные, процессуальные и др. категории. Лексические – более конкретные: предметы, действия, состояния, признаки и т.д. О первых нас учат учебники грамматики, о последних мы узнаем из словарей (я имею в виду здесь не естественный, когнитивный процесс освоения родного языка, а учебную и научную стороны нашей познавательной деятельности). Такое разделение существует уже давно, так же давно, как и наука о языке. Но если придерживаться точки зрения об эволюционном, а не кругообразном развитии языка, то выделение грамматических значений, а, соответственно, и самой грамматики – это этап более поздний в языковой эволюции, по сравнению с лексическим. Это можно предположить хотя бы исходя из психологического закона о движении познания от конкретного к абстрактному. То, как происходил переход от складывающейся лексико-семантической системы к системе грамматических значений, – проблема очень интересная и отдельная. Мы же попробуем подступиться к не менее интересной и еще не решенной проблеме, касающейся *истоков* существующих лексических значений. И это касается не только этимологии слов, но и системности в лексической организации языка.

Если мир представляется человеку как система, то и его отражение в семантической сфере тоже обладает системными свойствами. В сегодняшнем языкознании прочно укоренилась мысль о системности лексики в различных вариациях: тематических, семантических, синтагматических, словообразова-

тельных полях, синонимии, антонимии, гиперонимии и т.д. Стараниями структуралистов определено, что лексическое значение – единица сложная, а значит, состоит из более мелких семантических элементов; с другой стороны, она может быть сама включена в семантическую единицу более высокого уровня, что ведет к иерархии в семантической системе [1, с. 466 – 468]. Когнитивное направление в лингвистике выяснило, что в сознании человека эти единицы представлены недискретно, т.е. нечетко, размыто, со своим условным ядром – доминантой, и периферией – расширением возможностей ядра. Эта недискретность является главным принципом функционирования и развития языковой системы как в лексико-семантической, так и в грамматической подсистемах.

Ярким проявлением такой системной недискретности в языке может служить привычная для нас многозначность слова – полисемия, где выделяется главное, наиболее частотное по употреблению значение и значения вторичные, так или иначе связанные с главным. Так, например, русское слово *тянуть*, чрезвычайно плодовитое по семантике, может реализовать следующие 22 значения (они зафиксированы в Академическом 4-томном словаре русского языка [4]):

1. Взять, ухватив край, конец чего-л., перемещать, приближать к себе с силой, усилием.
2. Удлинять или расширять вытягиванием, натягиванием.
3. Вытягивать, протягивать в каком-л. направлении.
4. Перемещать за собой, везти силой тяги.
5. Лететь в каком-л. направлении.
6. Двигаться, перемещаться в каком-л. направлении.
7. Нести какие-л. обязанности, выполнять какую-л. работу (с трудом, через силу).
8. Нести повинности.
9. Заставлять или убеждать идти, ехать с собой, за собой куда-л.
10. Вызывать желание отправиться куда-л., быть где-л.; влечь, манить.
11. Испытывать потребность, позыв к чему-л.
12. Взять за конец, перемещая, располагать в нужном направлении, укреплять в натянутом виде.
13. Извлекать откуда-л. силой тяги.
14. Всасывать, втягивать, вбирать какую-л. жидкость.
15. Добиваться получения чего-л. настойчивыми просьбами, принуждением; вымогать.
16. Иметь тягу (о трубе, дымоходе).
17. Слабо дуть, веять (о ветре).
18. Медленно делать, производить, осуществлять.
19. Медленно, протяжно петь или говорить.
20. Поддерживать свое существование.
21. Иметь тот или иной вес.
22. Вызывать ощущение тяжести, тесноты, давления.

Попробуем выяснить, чем связаны с главным остальные значения. Для этого сосредоточимся на толковании первого значения, которое, судя по порядковому номеру, и является главным.

Выделим «ключевые» его составляющие: ВЗЯТЬ, ХВАТАТЬ – КРАЙ, КОНЕЦ – ПЕРЕМЕЩАТЬ – К СЕБЕ – СИЛА, УСИЛИЕ. Анализируя каждое из прочих приведенных значений, мы не можем не заметить, что выделенные компоненты главного так или иначе отражены в их семантической структуре, причем ни одно из них не повторяет всего набора составляющих главного. Так, в № 12 отсутствует компонент К СЕБЕ и добавляется компонент УКРЕПЛЯТЬ. № 2 имплицитно содержит все компоненты, кроме К СЕБЕ, и добавляет УДЛИНЯТЬ, РАСШИРЯТЬ. № 3 содержит СИЛУ, УСИЛИЕ и К СЕБЕ факультативно и акцентирует ПЕРЕМЕЩЕНИЕ, вводя к нему НАПРАВЛЕНИЕ. № 5 теряет компоненты ВЗЯТЬ – КРАЙ – К СЕБЕ – СИЛА и фокусирует ПЕРЕМЕЩЕНИЕ, так же добавляя НАПРАВЛЕНИЕ. Каждое из присутствующих значений, сохраняя какие-то компоненты из главного, добавляет свои собственные.

Интересны значения, наиболее отдаленные от главного. Например, № 14, где ведущими семантическими признаками оказываются К СЕБЕ и ПЕРЕМЕЩЕНИЕ, а все остальные ключевые компоненты оказываются или факультативными, или вовсе исключенными. Наконец, возникает вопрос относительно значений, на первый взгляд вовсе не имеющих ничего общего с компонентами главного: №№ 18 – 22. В №№ 18 и 19 обращаем внимание на компонент МЕДЛЕННО, который при более глубоком осмыслении предполагает протекание во времени, т.е. переосмысление компонента ПЕРЕМЕЩЕНИЕ из пространственного аспекта во временной. Но перемещаться можно и быстро, тогда единственным ключевым компонентом, который способен «сократить темп», может оказаться СИЛА, УСИЛИЕ. Такие же метаморфозы просматриваются в № 20, а в №№ 21, 22 ТЯЖЕСТЬ становится результатом переосмысления К СЕБЕ > К ЗЕМЛЕ, ВНИЗ и УСИЛИЯ для удержания веса.

Итак, мы заметили, что переосмыслению подвергается не само общее значение – семема слова, а его семантические компоненты – семы. Переход от одной семы к другой осуществляется благодаря действию двух фундаментальных для всего языка процедур: ассоциирования по сходству и по смежности. В стилистике эти процессы традиционно называют метафорой и метонимией. Зачем изобретать новые термины для нашего случая, тем более, что и в современной когнитивной лингвистике успешно пользуются понятием «концептуальная метафора» [7] уже применительно к способу мышления вообще. Кстати сказать, и рассмотренный нами пример полисемической структуры очень перекликается с «образными схемами» в когнитивизме, в частности, со схемой ИСТОЧНИК-ПУТЬ-ЦЕЛЬ [6]. И это не удивительно, так как наблюдения и выводы когнитивистов строятся на основе естественных высказываний, а они, в свою очередь, состоят из всё тех же многозначных слов – знаменательных и служебных.

Конечно, наивно думать, что слово появляется в языке сразу с полным спектром своих значений. Сложившийся полисемический комплекс – результат

длительной эволюции языка, неразрывно связанного с эволюцией человеческого познания. На нашем примере мы уловили главную и универсальную для всех языков тенденцию образования новых значений на основе некоторых прототипических семантических признаков (ВЗЯТЬ, ХВАТАТЬ – КРАЙ, КОНЕЦ – ПЕРЕМЕЩАТЬ – К СЕБЕ – СИЛА, УСИЛИЕ). При этом непременным условием семантического развития является сохранность, тождественность формы – фонетической оболочки слова (*тянуть*). Но это лишь верхушка айсберга.

Вспомним знаменитую иллюстрацию понятия «внутренней формы» у А.А. Потебни: «окно < око» [3, с. 19 – 20]. Этимологический переход от *ока* к *окну* вполне очевиден, во-первых, по формальной схожести (добавляется только один новый звук – *н*), и, во-вторых, по совместимости их значений («то, через что мы смотрим, или то, через что проходит свет»). Действительно, родство этих слов, так же, как и то, что именно *око* послужило основой для *окна*, не подвергается сомнению и в этимологическом словаре М. Фасмера [5]. Только вот значение, которое предложил Потебня, это лишь возможный (и слишком *окольный*) вариант интерпретации. В Академическом словаре русского языка (СРЮ) для слова *окно* приводится следующее значение: «отверстие в стене здания для света и воздуха, а также застекленная рама, закрывающая это отверстие». По количеству описывающих слов больше, чем у Потебни. Зато есть важная ключевая сема – ОТВЕРСТИЕ. Этимологическое же исследование слова *око* у Фасмера показывает, что семантически оно восходит к значениям «отверстие, дыра». Абсолютное соответствие семантических компонентов!

Если бы Александр Афанасьевич Потебня уловил именно этот аспект в наименовании, то он бы мог поставить и решить следующий вопрос: можно ли выделить внутреннюю форму во внутренней форме, т.е. проникнуть в сами истоки слова и, значит, языка? Значение ОТВЕРСТИЕ уже невозможно вывести из какого-то другого: в словаре, например, даются только синонимы *дыра*, *щель*. Значит, его можно рассматривать как первичное, *прототипическое*. В процессе познания и освоения действительности человек делает из этого прототипа целую категорию, в которую попадут и рот, и нос, и око, и нора, и окно, и т.д. и т.д., пока не будут исчислены все объекты с ярким признаком ОТВЕРСТИЕ.

Осталось задать последний вопрос: почему для понятия ОТВЕРСТИЕ выбрана именно фонетическая форма *око*? Она слишком короткая, чтобы вывести ее из какой-либо другой, как это получилось с *окном*. Этимология здесь останавливается, даже не пытаясь выдвинуть какое-нибудь предположение. А ведь для ответа на этот вопрос достаточно простой наблюдательности. Два звука *о* в структуре слова – это красноречивый и оптимальный языковой жест (открытый рот с округленными губами), сочетающий в себе и ОТВЕРСТИЕ, и ОКРУГЛОСТЬ. ОКРУГЛОЕ также нельзя вывести из какого-то другого значения, его можно только показать жестом, поэтому его тоже можно считать *семантическим прототипом*, способным давать жизнь новым значениям.

То, что традиционная этимология отказывается объяснить или, в крайнем случае, очень осторожно допускает как звукоподражательное происхождение, в состоянии проследить фоносемантика, которая исходит из принципа тесной,

естественной и не случайной взаимосвязи между внешней (фонетической) и внутренней (семантической) сторонами слова. Руководствуясь этим принципом, вполне реально добраться и до истоков человеческого мышления, которые могут быть представлены в виде *семантических прототипов*. Как было видно из предыдущего повествования, они отличаются от прототипов Э. Рош [8; 9], имеющей в виду типичных, эталонных представителей некоторого класса объектов в сознании говорящих, а также от семантических примитивов А. Вежбицкой [10], изучающей значения, универсальные для всех языков планеты. В еще меньшей степени семантические прототипы соотносятся с «элементарными идеями» Декарта и Лейбница, имеющими отношение не столько к языку, сколько к логике.

Современная фоносемантика, пионером которой, судя по известным лингвистическим источникам, был Платон, и которая по какому-то недоразумению до сих пор не имеет широкого круга сторонников, продвигается всё дальше в осмыслении семантических функций речевых звуков. Правда, различные методики и авторские предпочтения не способствуют единообразию выводов. Как бы то ни было, главное, что объединяет всех фоносемантистов, – это их отношение к звуку как к знаку, иконическому или индексальному, но никак не произвольному. А раз звук – минимальная формальная единица речи, то и выяснение его знаковых свойств может привести к минимальным, первичным семантическим признакам, т.е. прототипам, из которых вырастает вся семантическая система языка.

Помимо уже устоявшихся в лингвистике способов объединения лексики – лексических полей, основанных на каком-то одном аспекте слов – внутреннем или внешнем, нами выделен и описан новый тип поля. Это поле – фоносемантическое, которое соединяет оба этих аспекта [2]. Каждый звук языка обладает набором изобразительных возможностей. Способ и место артикуляции звука играют роль стартера в знакообразовании. Так же велика и подражающая способность речевых звуков при описании звучащей действительности. Исходя из этого, логика подсказывает, что различные слова, включающие один и тот же звук, должны иметь нечто общее в своих значениях. Но слов и значений так много, что неискушенному человеку – даже лингвисту, столкнувшемуся с этим многообразием, кажется, что он попал в непроходимый лес! Однако, как говорится, кто ищет, тот найдет. И если немного сконцентрироваться, то в кажущемся хаосе начинает проступать любопытная картина. Исследователь замечает, что совершенно неродственные слова, имеющие общим элементом только один звук, проявляют определенное семантическое соответствие. Это не значит, что, в конце концов, мы придем к какому-то общему значению, покрывающему все частные. Результатом окажется группа семантических полей, между которыми тоже улавливается более или менее очевидная связь. Принцип организации этих полей аналогичен тому, что мы увидели в полисемии: всё те же метафора и метонимия.

В качестве беглой иллюстрации такого анализа приведу пример из немецкого словаря. Объектом будет вся лексика, начинающаяся на звук Т (Т-лексика). Общее количество слов – 115 (исключены однокоренные слова). Вот

ряд значений, которые мы здесь встречаем, помимо прочих (каждое значение соответствует отдельному слову):

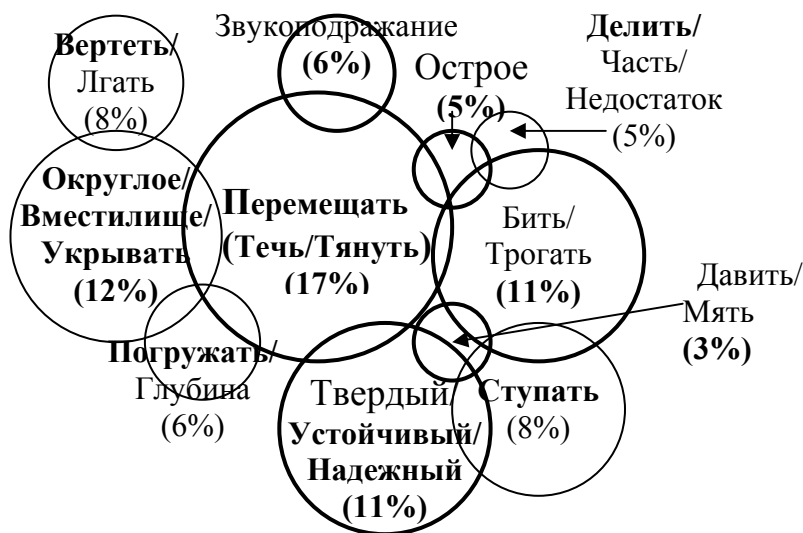
1. «таять»,
 2. «капать, течь, струиться»,
 3. «водосточный жёлоб»,
 4. «чернила»,
 5. «роса»,
 6. «слеза, слезинка»,
 7. «печалиться, скорбеть, оплакивать»,
 8. «стремиться (к чему-л.), добиваться (чего-л.); сильно желать»,
 9. «порыв, побуждение, импульс»,
 10. «носить, нести; переносить»,
 11. «пастбище, выгон»,
 12. «долина, дол»,
 13. «двигаться с колонной беженцев»,
 14. «мучить, надоедать»,
 15. «ленивый, вялый, медлительный»
- и некоторые другие.

Общая доля этой группы Т-слов составила 17%.

Сразу бросается в глаза близкое сходство между №№ 1 – 7, которые можно условно объединить под общей семой ТЕЧЬ. Несколько более разрозненно выглядят остальные значения (№№ 8 – 15). Однако более пристальный и глубокий анализ их семантических составляющих вскрывает общую для них сему ТЯНУТЬ. Эти две выделенные семы так же имеют между собой общую – ПЕРЕМЕЩАТЬ. На этом основании все приведенные значения образуют единое фоносемантическое поле. Нельзя не заметить сходства между семантикой этого поля с полисемической структурой слова *тянуть*, с которым мы встретились вначале. Само же значение ТЯНУТЬ может вытекать из изобразительного потенциала Т как зубного звука: зубами *кусают, грызут, отрывают, тянут*.

Таким же образом вырисовываются остальные 10 полей, имеющих разное процентное соотношение по количеству входящих в них слов-значений (см. Рис.).

Семантическое пространство немецкой Т-лексики (115 слов)

Из них можно увидеть взаимосвязанные с предыдущим ПЕРЕМЕЩАТЬ (ТЯНУТЬ / ТЕЧЬ) поля ПОГРУЖАТЬ / ГЛУБИНА и СТУПАТЬ. При этом последнее может соотноситься со звукоподражательным БИТЬ и его расширением ТРОГАТЬ. В свою очередь, БИТЬ имеет явную связь с ДЕЛИТЬ, которое влечет за собой ЧАСТЬ, НЕДОСТАТОК. Это же поле соотносится и с ДАВИТЬ/МЯТЬ, которое также хорошо согласуется с полем СТУПАТЬ. Семантическое поле ТВЕРДЫЙ с расширением УСТОЙЧИВЫЙ, НАДЕЖНЫЙ – наиболее очевидно реализует изобразительные возможности звука Т, среди которых «твердость» является ведущим признаком (зубы – твердые). Таким же присущим Т признаком выступает «острота» (зубы – острые). Уже упомянутое поле ДЕЛИТЬ может проистекать с равным успехом и от ОСТРОГО. Довольно высокий процент Т-слов образует поле ОКРУГЛОЕ / ВМЕСТИЛИЩЕ / УКРЫВАТЬ, которое, по-видимому, соотносится с ВЕРТЕТЬ (ЛГАТЬ можно рассматривать как переосмысление ВЕРТЕТЬ: «переворачивать истину»). Наконец, не очень высокий процент занимают слова с обобщенным значением ЗВУКОПОДРАЖАНИЕ.

Нужно признать, что в результате нашей классификации не все фигурирующие в корпусе Т-лексики нашли свое пристанище. Этот остаток составил 5%, что вполне можно объяснить или неизвестной этимологией слов, или трудностью выделить какой-то ведущий семантический признак, сопоставимый с найденными полями, или какими-либо другими причинами.

Но так или иначе перед нами – очевидная тенденция полевого структурирования значений: от минимальных семантических признаков до макрополей, в которые объединяются целые группы слов с единственным общим элементом – звуком. Как показало наше исследование, укрепившись на фоносемантических позициях, лингвистика в состоянии дойти до самого сокровенного в человеческом языке и мышлении: до их истоков.

Библиографический список

1. **Гак В.Г.** Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания // Гак В.Г. Языковые преобразования. – М.: Языки русской культуры, 1998.
2. **Михалёв А.Б.** Теория фоносемантического поля. – Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 1995.
3. **Потебня А.А.** Из записок по русской грамматике. Т. I – II. – М., 1958.
4. **Словарь русского языка.** – М.: Русский язык. 1982.
5. **Фасмер М.** Этимологический словарь русского языка. Т. III. – М.: Прогресс, 1971.
6. **Johnson, M.,** The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason. Chicago: University of Chicago Press, 1987.
7. **Lakoff, G.,** The Contemporary Theory of Metaphor. – Ortony A. (ed.), *Metaphor and Thought*. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. Second edition, 202 – 251.

8. **Rosch, E.**, On the Internal Structure of Perceptual and Semantic Categories. – Moore, T.E. (ed.). *Cognitive Development and the Acquisition of Language*. New York: Academic Press, 1973, 111 – 144.

9. **Rosch, E.**, Cognitive Representations of Semantic Categories. – *Journal of Experimental Psychology: General*. 1975. 104: 192 – 233.

10. **Wierzbicka, A.**, *Lingua Mentalis: The Semantics of Natural Language*. N.Y.: Academic Press, 1980.

Ю.Ю. Леденев

*Ставропольский государственный пединститут,
Ставропольское отделение РАЛК*

КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ ЯРУСНОЙ ПРИРОДЫ СИНТАКСИЧЕСКИХ ПОСТРОЕНИЙ

Многомерная когнитивная ситуация, пройдя через все этапы синтаксической обработки и реализованная в линейной синтаксической последовательности, сохраняет все отношения, существовавшие между концептами в исходном ментальном образовании. Синтаксические связи, таким образом, представляют собой проекцию связей и отношений внутри исходной когнитивной структуры. В частности, формальные синтаксические блоки, организованные вокруг предикатных синтаксем (или их нереализовавшихся позиций – «следов», которые чаще всего репрезентируются так называемыми свободными синтаксемами), должны представлять собой проекцию основных концептуальных узлов и сохранять отношения между ними. Эта проекция уже на узуальном, заключительном этапе репрезентации, «приводится» к системе интерпозициональных зависимостей, которые в формальном синтаксисе принято называть фразовыми категориями. Поскольку процесс линейаризации предполагает выстраивание в единую цепь неравноправных с когнитивной точки зрения элементов, принадлежащих к различным узлам когнитивной структуры, естественно предположить, что и последствием линейаризации будет являться синтаксическая структура с функционально неравноправными блоками. Иными словами, поскольку узлы когнитивной структуры имеют различную значимость по отношению к ядру когнитивной ситуации, естественно предположить, что и синтаксическая проекция будет включать ядра и синтаксем, обладающие различным «весом», ценностью для высказывания. Важную роль в этом процессе играет так называемый «вектор актуализации», в соответствии с которым узлы когнитивной ситуации классифицируются в соответствии со своей будущей ролью в линейной синтаксической структуре. Поскольку любая когнитивная ситуация, лежащая в основе пропозициональной структуры, поликонцептуальна, синтаксическая структура (по крайней мере ее глубинная зона) должна представлять собой совокупность нескольких формально детерминированных позиций, а поскольку входящие в когнитивную структуру концепты имеют различный вес и функции в структуре формируемого высказывания, то и линейная структура